

О МЕХАНИЗМЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ С ОДНОГО ЯЗЫКА НА ДРУГОЙ В ПРОЦЕССЕ УСТНОГО ПЕРЕВОДА

Р. К. МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВ

(Москва)

В деятельности устного переводчика особый интерес представляет переключение с одного языка на другой в условиях ограниченного времени, в течение которого необходимо воспринять отрезок речи на одном языке и перевести его на другой язык. Умение в условиях ограниченного времени принять и реализовать решение на перекодирование предъявленного для перевода отрезка речевой цепи обычно называют навыком переключения [8]. Многочисленные наблюдения показали, что владение двумя языками еще не гарантирует функционирование переводческого навыка переключения. Владение двумя языками является лишь предпосылкой, необходимым условием становления такого навыка, формирование которого с большим или меньшим успехом происходит в переводческой практике. Условно можно считать, что владение этим навыком и отличает переводчика от обычного билингва. Все сказанное объясняет то внимание, которое уделяется в теории и практике перевода формированию навыка переключения с одного языка на другой. Однако механизмы этого переключения все еще остаются малоисследованными.

Некоторые объективные данные по этому вопросу можно получить из психофизиологических исследований, в которых вырабатывались различные условные реакции (сосудистые, кожно-гальванические, фотохимические и др.) на словесные раздражители — одиночные и комплексные [1], [4], [5], [6], [7], [11], [15], [16], [17]. Эти исследования показали, что слово как условный стимул вызывает не простую, а комплексную реакцию в виде определенной системы связей, доминирующими в которых являются смысловые связи. А. Р. Лурия и О. С. Виноградова в своих опытах фиксировали неосознаваемые человеком сложные семантические системы, включающие ядро семантического комплекса, периферию и нейтральные слова [4]. В описываемом эксперименте со смысловой группой «музыка» специфическую реакцию вызывали слова «скрипка», «смычок», «струна», «мандолина», «контрабас» и некоторые другие, входящие в состав так называемого ядра. Реакцию уже не специфического, а ориентировочного характера вызывали названия других инструментов («кларнет», «аккордеон») и другие слова, связанные с музыкой («соната», «концерт»). Никакую реакцию не вызывали остальные, так называемые нейтральные слова. Для объяснений закономерностей процесса перевода небезынтересно, что сход-

ные по звучанию, но далекие по смыслу слова (например, «кошка» — «окошко») вызывали реакцию либо у умственно отсталых, либо у очень утомленных испытуемых.

Впрочем, некоторые авторы ставят под сомнение семантическую природу зарегистрированных таким образом реакций, рассматривая их как отражение субъективного опыта данного индивидуума [13]. Так или иначе, но наличие более (ядро) или менее (периферия) прочных связей между отдельными словами, обусловленных смысловыми факторами, не вызывает сомнения.

Объективные данные упомянутых физиологических экспериментов приводят к выводу о том, что владение двумя языками без профессионально развитых переводческих умений и навыков предполагает наличие некоторого количества замкнутых семантических систем или даже микросистем, каждая из которых ограничена знаками одного языка. В этом случае появление вербального или предметного раздражителя вызывает реакцию в пределах одной такой семантической микросистемы. Конечно, не исключено окказиональное включение в семантическую микросистему, например на русском языке, отдельных иностранных слов, но они выступают уже не как представители качественно другой семантической системы, а как зафиксированные элементы данной микросистемы. Другими словами, при отсутствии переводческих умений и навыков семантические системы двух языков в пределах одного семантического поля¹ отграничены так же, как отграничены семантические системы различных семантических полей даже в рамках одного языка.

Другая картина наблюдается в функционировании речевых механизмов профессиональных переводчиков; слово на одном языке не подавляет, а, наоборот, стимулирует смысловые связи в системе другого языка, хотя и в пределах одной тематической и стилистической микросистемы. В этом нетрудно убедиться, наблюдая за работой устных и особенно синхронных переводчиков. Хорошо известно, что наибольшие трудности они испытывают при переходе от одной тематики к другой, от одного стиля речи к другому, при включении, например, в политическую лексику слов разговорно-фамильярного стиля или сельскохозяйственных терминов и выражений.

Интересные данные в этой связи нам удалось получить в экспериментах с учащимися-выпускниками переводческого факультета на занятиях по синхронному переводу. В «предсинхронном упражнении» 22 учащимся предъявлялись для перевода — через наушники, в постоянном темпе (100—110 слг/мин) — следующие группы слов: числительные, ораторские штампы (типа «с этой высокой трибуны», «выражать поддержку»), лексика по общественно-политической тематике. Через 5—6 двадцатиминутных тренировок, во время которых каждая группа слов отрабатывалась раздельно (т. е. сначала числительные, читаемые вразброс, как по-русски, так и по-французски, затем ораторские штампы и, наконец, тематическая лексика), учащиеся без особого труда выполняли упражнения. При этом всеми учащимися переводилось от 90 до 100% предъявленных слов. Отдельные срывы (непереведенные слова) наблюдались у наименее реактивных учащихся и, как правило, в конце упражнения. На седьмом занятии, в процессе перевода общественно-политической лексики, учащимся предъявлялось числительное на французском языке. Неожиданное предъявление слова из другой семан-

¹ Употребление термина «семантическое поле» весьма условно, так как его границы в данном случае складываются не только на основе социального, но и субъективного опыта.

Т а б л и ц а

Порядковый номер занятий	Группы слов (в %)					
	числительные		ораторские штампы		общественно-политическая лексика	
	французский язык	русский язык	французский язык	русский язык	французский язык	русский язык
1 занятие	62	89	72	68	66	70
3 занятие	80	94	86	85	88	93
6 занятие	91	98	94	96	98	99
7 занятие, 1-е предъявление	10	42	43	66	74	78
последнее предъявление	63	94	92	95	91	96

тической системы повторялось и в процессе перевода ораторских штампов. Всякий раз вкрапление числительного на французском языке сопровождалось либо неправильным переводом, либо пропуском. Причем, пропускалось или «чужеродное» слово, или слово, следующее за ним. Вкрапление числительного на русском языке приводило к ошибкам значительно реже. Продолжение тренировок в неожиданном предъявлении слов из других семантических систем постепенно снижало количество ошибок, хотя некоторые признаки испытываемых трудностей (ошибки, пропуски, падение темпа) наблюдались еще долгое время.

Результаты эксперимента представлены в таблице. В эксперименте участвовало 22 учащихся, каждому на одном занятии предъявлялось около 70 числительных на французском языке и 30 числительных на русском языке, около 70 ораторских штампов на французском языке и 30 — на русском языке, около 70 слов и выражений по общественно-политической тематике на французском языке и 30 слов и выражений — на русском языке. Всего каждый учащийся в процессе упражнения переводил до 300 лексических единиц.

В таблице показаны правильные ответы в среднем на одного учащегося (в процентах).

Особенно показательно падение эффективности навыка переключения при первом предъявлении слова из другой семантической системы (см. 7 занятие, первое предъявление).

Взаимоисключение некоторых семантических систем отмечали в своих экспериментах А. Р. Лурия и О. С. Виноградова. Они же наблюдали факт «искусственного формирования более широкой семантической системы путем подкрепления слова другой семантической «подсистемы» [4; 55]. Искусственное формирование более широкой семантической системы происходит и у переводчика, когда он подключает (в процессе тренировок для создания эквивалентов) к уже существующей у него семантической системе на родном языке семантическую подсистему на другом языке. Формирование новой семантической системы, включающей соответствующие подсистемы на двух языках, и есть становление переводческого навыка переключения, который играет решающую роль в работе устного переводчика.

Все сказанное выше о динамике семантических систем заставляет придти к выводу о том, что в процессе обучения или тренировок происходит становление не навыка переключения вообще, а навыка переключения, функционирование которого ограничено определенным семантическим полем, в лучшем случае несколькими смежными смысловыми группами и в пределах общей тематики, одной области человеческих знаний. В экспериментах А. Р. Лурия и О. С. Виноградовой

было показано, как путем подкрепления две смысловые группы объединялись в одну обобщенную семантическую систему, слова которой в одинаковой степени вызвали соответствующие сосудистые реакции [4; 55]. Учебное подкрепление в процессе упражнений позволяет переводчику расширять поле действия своего навыка переключения, подключая новые смежные смысловые группы: борьба за мир + национально-освободительное движение + партийное строительство + профсоюзы и т. д.

Однако старые смысловые связи легко распадаются при подключении новой смысловой группы, если для них не предусмотрены периодические подкрепления в виде тех или иных повторительных действий.

Таким образом, формирование навыка переключения с одного языка на другой есть учебная система подкреплений, последовательно объединяющая, во-первых, аналогичные семантические подсистемы двух языков, а во-вторых, смежные двуязычные семантические системы. Если подсистему каждого языка обозначить латинскими буквами R (русский язык) и F (французский язык), то становление языка переключения можно изобразить следующим образом: $(R \times F = RF) + (R_1 \times F_1 = R_1F_1) + (R_2 \times F_2 = R_2F_2)$ или $RF + R_1F_1 + R_2F_2$, где каждое RF создает единую замкнутую систему и где подключение каждой новой замкнутой системы не разрушает предыдущую только в случае ее систематического подкрепления.

Функционирование навыка переключения имеет свои закономерности. Об одной из них уже говорилось: функционирование навыка переключения прекращается за пределами предварительно отработанной семантической системы (тематический принцип), а это значит, что происходит не формирование навыка переключения вообще, а формирование навыка переключения для семантической системы данной тематики. У переводчика не может быть отработанного навыка переключения на все случаи жизни, у него может быть сформирован навык переключения для работы в экономической, политической, военной или еще в какой-нибудь области.

Итак, формирование навыка переключения возможно только по тематическому принципу.

Вторая закономерность функционирования навыка переключения может быть сформулирована следующим образом: при функционировании навыка переключения доминирующими по направлению связями являются связи от родного языка к иностранному (принцип доминантного языка). Это положение является плодом не только многочисленных наблюдений за работой синхронных переводчиков, эффективность которой в первую очередь зависит от функционирования навыка переключения. Оно подтверждается и экспериментом [8]. Представленная в синхронном переводе интернациональная лексика (главным образом «ложные друзья переводчика») правильно воспроизводилась с русского языка на французский в 75% случаев, а при переводе с французского языка на русский — в 45% случаев. Эти данные согласуются с результатами экспериментов Д. Ковача. В частности, в своем выводе он писал: «Любые реакции, вызванные раздражителями доминантного языка, имеют больше готовности, чем такие же реакции, вызванные раздражителями недоминантного языка» [3; 120—121].

Третья закономерность функционирования навыка переключения заключается в том, что навык переключения отдает предпочтение знаковым связям (знаковый принцип).

Имеются в виду прямые связи между эквивалентами двух языков при переводе, без обращения к действительности (к денотату). Такие связи обычно устанавливаются при переводе речевых клише. Их мож-

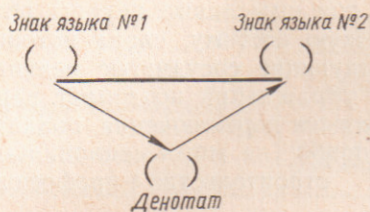


Рис. 1.

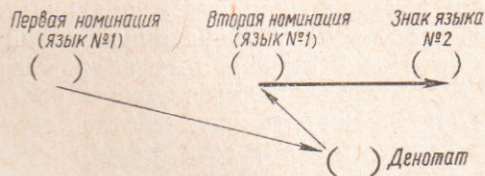


Рис. 2.

но установить и при переводе терминов. Знаковые связи не могут не способствовать автоматизированному осуществлению операций при переключении с одного языка на другой, так как они упрощают саму операцию. Как в этом ни трудно убедиться на схеме, поиск денотативных связей в переводе удлиняет путь к принятию решения по крайней мере в два раза (см. рис. 1).

Еще один путь прослеживается при необходимости прибегнуть к трансформации номинации № 1 (знак языка № 1), что нередко имеет место особенно при переводе с родного языка на иностранный. Так, например, у переводчика нет эквивалента для предъявленного языкового знака «батрак», он подвергает его смысловому анализу и находит новую номинацию «сельскохозяйственный рабочий», которая выходит непосредственно на знак языка № 2. В этом случае путь переключения с одного языка на другой требует меньше времени, чем установление денотативных связей в языке № 2, так как образование знаковой связи: вторая номинация — знак языка № 2 осуществляется автоматически.

Фактически поиск денотативных связей при переводе является дополнительной операцией, а иногда и несколькими дополнительными операциями, объединенными в так называемое сложное или вторичное умение, где частично утрачивается автоматизированность действия. Все это, естественно, осложняет функционирование навыка переключения, увеличивает период времени, необходимый для перехода с одного языка на другой. Именно поэтому можно сделать такой вывод: наличие знаковых связей является непрямым условием эффективности функционирования навыка переключения.

В последовательном переводе это правило выходит за рамки чисто вербальных связей и распространяется на письменные знаки (символы). Как показали исследования [9; 87—88], в последовательном переводе навык переключения предполагает также и моторную реакцию в виде графического знака: знак языка № 1 — символ или сокращенная буквенная запись. Впрочем, в последовательном переводе знаковые связи, а следовательно, и навык переключения, играют второстепенную роль, так как записи в последовательном переводе — это, в первую очередь, смысловое письмо, основанное на сложных денотативных связях: знак языка № 1 — денотат — один из его признаков — графический знак выделенного признака.

Итак, тремя важнейшими закономерностями функционирования навыка переключения являются: тематическая ограниченность, принцип доминантного языка и эффективность знаковых связей. Но третья закономерность приводит нас к парадоксальному выводу, заставляющему рассматривать смысловой анализ как фактор, тормозящий функционирование навыка переключения. В этом одно из основных противоречий деятельности устного переводчика. Отказ в целом ряде случаев от де-

нотативных связей (от смыслового анализа) повышает эффективность функционирования навыка переключения, но он же лежит у истоков такого явления, как буквализмы или «ложные друзья переводчика».

Впервые термин «ложные друзья переводчика» («faux — amis») был предложен Кесслером и Дерокини в 1928 году [14]. Однако они имели в виду перевод только по звуковому сходству слов двух языков. В настоящее время термин «буквализм» понимается шире. Если в 1949 г. Я. Рецкер еще рассматривал буквализм как перевод по внешнему — графическому или фонетическому — сходству [10; 10], то в 1970 г. В. Г. Гак уже различает лексический, фразеологический, грамматический и стилистический буквализмы, считая их переводческой ошибкой в результате дословного воспроизведения форм подлинника [2; 13].

Нам кажется, что ограничивать понятие «буквализм» неудачным воспроизведением форм подлинника нельзя. Если исходить из признаков, лежащих в основе этого явления, то следует различать:

— во-первых, элементарные буквализмы, при которых устанавливаются ложные связи между сходными звуковыми или графическими знаками двух языков в результате отказа от анализа денотативных связей исходного языка (например, «journal» — «журнал» вместо «газета», «блиндаж» — «blindage» вместо «abri à l'épreuve» или «liste» — «лист» вместо «список»);

— во-вторых, семантические буквализмы, при которых устанавливаются ложные знаковые связи двух языков в результате использования доминирующих сигнификативных связей компонентов слова, словосочетания (например, «подполковник» — «sous-colonel» вместо «lieutenant — colonel» или «prendre position» — «принимать позицию» вместо «высказываться») или самих знаков без учета денотативных связей языка № 2 в данной ситуации (например, «entendu» — «услышано» вместо «договорились» или «Говорит Москва» — «Moscou parle» вместо «Ici Moscou»);

— в-третьих, грамматические буквализмы, при которых устанавливаются ложные прямые связи между способами употребления знаков в двух языках на основе устоявшихся связей исходного языка (например, «Duval, ministre des affaires étrangères» «Дюваль, министр иностранных дел» вместо «Министр иностранных дел Дюваль», или «На Кубе» — «Sur Cuba» вместо «А Cuba»).

Прямые связи между способами употребления знаков могут также рассматриваться как знаковые связи, так как сам способ употребления (грамматические правила) представлен в нашем сознании так же, как и предметы, явления, некоторым абстрактным знаком, материализующимся в конкретном предложении.

Кстати, грамматический буквализм представляет собой довольно распространенное явление в практике обучения иностранному языку, известное как явление интерференции.

Итак, буквализм в переводе, если иметь в виду и семантические буквализмы, это не всегда неудачное воспроизведение форм подлинника, это создание ложных знаковых связей между языками на основе других устоявшихся связей.

Само собой разумеется, что созданию ложных знаковых связей более всего препятствует смысловой анализ, отказ от автоматизированных действий.

Выше уже говорилось, что в физиологических экспериментах слова, далекие по смыслу, но сходные по звучанию (элементарные буквализмы), включались в семантическую систему умственно отсталыми (дебилы) или утомленными и истощенными лицами. Это обстоятельство дало

основание исследователям сделать вывод о том, что когда кора головного мозга находится в состоянии торможения, «относительно более простые связи, основанные на звуковом сходстве, могут стать доминирующими, а более сложные семантические связи затормаживаются» [4; 30].

Исследование различных видов буквализмов показывает, что речь идет не о замене более сложных связей простыми, а об отказе от дальнейшего поиска за счет использования уже имеющихся простых или сложных связей. Так, в случае элементарного буквализма поиск решения на перекодирование ограничивается использованием предложенной источником денотативной связи. В случае семантического буквализма на первый план выходят доминирующие сигнификативные связи¹. Это же наблюдается и при грамматическом буквализме, если сигнификативными связями называть отношения грамматического значения.

Завершить анализ функционирования навыка переключения в связи с рассмотренными выше психофизиологическими данными нам хотелось бы некоторыми практическими выводами.

1) Функционирование навыка переключения с одного языка на другой в процессе перевода находит свое выражение в автоматизированных операциях по поиску и реализации решения на перекодирование предъявленного для передачи обозначения ситуации или элемента ситуации. Необходимость в эффективном функционировании навыка переключения возрастает одновременно с ростом временных ограничений в процессе перевода. Временные ограничения наблюдаются в той или иной степени в различных видах устного перевода. Именно поэтому формирование навыка переключения является одной из важнейших задач подготовки устных переводчиков.

2) Формирование навыка переключения происходит по тематическому принципу путем объединения семантических подсистем двух языков в одну общую замкнутую систему. Создание новой замкнутой системы разрушает предыдущую, для восстановления которой необходимы повторные подкрепления. А это значит, что перемене тематики в работе устного переводчика должны предшествовать подкрепления в виде соответствующих лексических упражнений.

3) В сформированном навыке переключения связи, идущие в направлении от родного языка к иностранному, оказываются, как правило, более прочными, чем связи, обратные по направлению. Это положение необходимо учитывать в процессе подготовки устных переводчиков: количество подкреплений в направлении от иностранного языка к родному должно преобладать.

4) Эффективность функционирования навыка переключения непосредственно зависит от наличия хорошо отработанных знаковых связей между двумя языками. Установление прочных знаковых связей не является функцией всех языковых средств. Тенденции к установлению знаковых связей проявляются в первую очередь, у языковых средств, наделенных свойствами частотности (в употреблении), однозначности, относительной дисфункциональности (утратой первоначального значения). Поскольку свойствами частотности, однозначности и относительной дисфункциональности наделены, главным образом, речевые клише, постольку именно общественно-пропагандистские материалы служат, в первую очередь,

¹ Семантические буквализмы в какой-то степени подтверждают точку зрения лингвистов [12; 85—86] о иерархической организации содержания некоторых слов, т. е. о наличии у них «основного» значения.

объектом устного перевода вообще и, в частности, синхронного перевода, как вида перевода, подлежащего наиболее жестким временным ограничениям. Ни одно из свойств, способствующих установлению знаковых связей, не присуще образным выражениям, что и делает абсурдным синхронный и даже устный перевод литературно-художественных материалов.

5) Установление прямых знаковых связей повышает эффективность функционирования навыка переключения, но оно же приводит иногда к буквализмам. В большинстве случаев буквализмы можно предвидеть, так как тенденции к буквальному переводу проявляются:

— при наличии в двух языках сходных по звучанию или по графическому оформлению, но неэквивалентных слов («la liste» — «список», а не «лист»; «президиум» — le bureau», а не «Le présidium»);

— при наличии в двух языках сходных по своему основному значению, но неэквивалентных в данном контексте или данной ситуации лексических единиц («постоянный представитель» — «le délégué», а не «le représentant permanent»; надпись на двери «poussez» — «от себя», а не «толкайте»);

— при наличии в двух языках расхождений в способах организации аналогичных высказываний.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова В. Д. О некоторых особенностях образования условных рефлексов на речевые раздражители. «Физиологический журнал СССР», 1953, т. XXXIX, вып. 5.
2. Гак В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода. Французский язык. М., 1970.
3. Ковач Д. Готовность сложных моторных реакций в зависимости от раздражителей доминантного и недоминантного языков. «Вопросы психологии», 1963, № 1.
4. Лурия А. Р., Виноградова О. С. Объективное исследование динамики семантических систем. Сб. «Семантическая структура слова», М., 1971.
5. Маркосян А. А. О взаимодействии двух сигнальных систем при произвольных процессах. «Материалы совещания по психологии», М., 1957.
6. Марушевский М. О взаимодействии двух сигнальных систем в ориентировочных реакциях. «Вопросы психологии», 1957, № 1.
7. Матюхина М. В. Образование условного фотохимического рефлекса на сложные непосредственные и словесные раздражители у человека. «Известия АПН РСФСР», вып. 81, 1956.
8. Миньяр-Белоручев Р. К. Методика обучения переводу на слух. М., 1959.
9. Миньяр-Белоручев Р. К. Последовательный перевод. М., 1969.
10. Рецкер Я. Пособие к курсу перевода с французского языка. М., 1949.
11. Шварц Л. А. Значение слова и звукового образа как условных раздражителей. «Бюллетень экспериментальной биологии и медицины», 1948, т. 95, № 4.
12. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. М., 1964.
13. Шур Г. С. О типах лексических ассоциаций в языке. Сб. «Семантическая структура слова», М., 1971.
14. Koessler M. et Déroquigny J. Les Faux — Amis ou les pièges du vocabulaire anglais. 5-me édition. Paris, 1961.
15. Lacey J. I. and Smith R. L. Conditioning and generalisation of unconscious anxiety. «Science», 120, 1954.
16. Razran G. Stimulus generalization of conditioned responses. «Psychol. Bull.», v. 46, 1949.
17. Riess B. F. Semantic conditioning involving the galvanic skin reflex. «J. exper. Psych.», v. 20, 1940.

ON THE MECHANISM OF LANGUAGE SHIFT
IN THE PROCESS OF INTERPRETATION

R. K. MIN'YAR-BELORUCHEV

Summary

The language shift ability of an interpreter plays the leading role in the process of interpretation. This ability is being developed upon formation, by training, of a semantic system that connects the semantic subsystem in native language to the analogous subsystem in foreign language. The functioning of the language shift ability is governed by three most important principles: limitation of topics, principle of dominant language and effectiveness of sign relations. The sign relations are mainly revealed in language media having such qualities as frequency, monosemantics and relative disfunctionality. The sign relations ensure the efficiency of interpretation in extreme time-limit conditions but at the same time they lead to word-for-word interpretation that can be expected to occur where the two languages have words similar in their sounding or main meaning, and if the two languages have different ways of organizing analogous utterances.

